

0- 762244

На правах рукописи

Рюмшина Наталья Викторовна

**Жанрово-стилевые особенности
прозы В. Л. Кондратьева**

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Специальность 10.01.01 – русская литература

Тверь 2006

Работа выполнена на кафедре русской литературы XX – XXI веков
Тверского государственного университета.

Научный руководитель доктор филологических наук, профессор
А. В. Огнев

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Ю. М. Никишов

кандидат филологических наук
С. В. Глушков

Ведущая организация Институт мировой литературы
им. М. Горького РАН

Защита состоится «28» ноября 2006 г. в 13 час. 00 мин.
на заседании диссертационного совета К.212.263.03. в Тверском государ-
ственном университете по адресу: Россия, 170002, г. Тверь, просп. Чай-
ковского, 70.

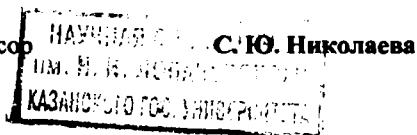
С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тверско-
го государственного университета по адресу: г. Тверь, ул. Володарского,
42.

Отзывы можно отправлять по адресу: Россия, 170000, ул. Желябова,
33, Тверской государственный университет, ученому секретарю.

Автореферат разослан «25» октября 2006

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Проза В. Кондратьева возникла в то время (1960 – 1990-е годы), когда великая победа стала общеизвестным фактом истории и появилась возможность с высоты достигнутых знаний о ней оглянуться на самые тяжелые «будни» 1942 – 1943 годов, преодоленные русским солдатом-пехотинцем. Писатель приходит к утверждению высокого, несомненного достоинства человеческой личности целого поколения, которое сам автор называл «потерянным», ведь для него Великая Отечественная война стала самым значительным событием в жизни. Художественная и историческая позиция автора «ржевских» повестей и рассказов существенно отличалась от общепринятых, поэтому путь его произведений к читателю был долгим, требующим иного отношения к военным событиям 1942 года. «...Сунул ты им в рыло книгу, как кирпич необожженный...»¹, - писал В. Астафьев. Проза В. Кондратьева выделяется в литературе тех лет необычной остротой, жесткостью, детализированностью и точностью изображения. Новое, выстраданное автором знание о жизни и о войне, бескомпромиссно отвергающее общеизвестные представления, позволило ему занять заметное место в ряду писателей военной прозы. В восьмидесятые годы В. Кондратьев приходит к важному для себя выводу о том, что о «своей» войне уже ничего нового сказать не может, а вот о послевоенном периоде пришло время поведать. Однако собственный фронтовой опыт имел для писателя большую этическую цену. Отсюда и характерное для цикла В. Кондратьева стремление судить героя 60 – 80-х годов, его дела и поступки с прежней солдатской строгостью, почти всегда ретроспективно: «...Для чего – то [здесь и далее разрядка В. Кондратьева] остался же я живым здесь в сорок втором году, для чего – то не погиб потом?»². Отсюда, наконец, и прямая сюжетная, образная и стилистическая взаимосвязь рассказов и повестей писателя. Все части цикла В. Кондратьева связаны единством нравственного отношения к предмету. Читая рассказы и повести писателя, мы принимаем эстафету времени. Авторская позиция, интонация, нравственно-психологические выводы выдержаны в духе традиций русской классической литературы.

Объектом нашего исследования выступает вся проза В. Кондратьева (исключение составляют повесть «Одна жизнь... (Записки старого инженера)» и рассказ «На улице Гиры», не входящие в цикл)

Степень разработанности проблемы. В конце семидесятых годов наибольший интерес критиков (Л. Лазарев, К. Симонов, И. Штокман, Ю. Смедков, Е. Холщевникова, А. Кондратович) вызвали идейно-тематическое богатство повести «Сашка» и образ главного персонажа

¹ Коган А. О В. Кондратьеве и его переписке // Вопросы литературы. – 1995. - Выпуск 1. С.274.

² Кондратьев В. Л. День Победы в Чернове // Кондратьев В. Л. На поле овсянниковском: Повести. Рассказы. - М.: Известия, 1985 С. 445.

произведения, безусловно, яркого и своеобразного героя русской литературы. Жанрово-композиционные особенности сюжета, значимость и целесообразность второй части повести (дороги Сашки) - заинтересовали исследователей позже, в начале восьмидесятых годов, и здесь их мнения разошлись. А. Коган утверждал, что последние главы «Сашки» воспринимаются «как художественная хроника после художественной драмы»¹. Сам писатель не был согласен с такими выводами, полагая, что дорога Сашки сначала в госпиталь, потом в Москву – важная и неотъемлемая часть не только идеи произведения, но и образа главного героя.

Размышляя о художественной манере произведений В. Кондратьева, А. Коган, Л. Лазарев, Г. Филиппов писали о «притчеобразности», «сказовой» форме «ржевского» цикла; М. Поздняев – об «элегических нотах» в отдельных произведениях писателя; А. Поляков, А. Павловский – о лиричности и исповедальности кондратьевских повестей; Л. Лазарев, А. Торшин, Н. Железнова – об «эпической многоплановости» «Ржевского романа»; В. Ялышко, Н. Панченко – о глубоком психологизме «ржевских» рассказов и повестей.

В девяностые годы критики пытаются представить картину творческого пути писателя, определить его вклад в развитие современной русской прозы. А. Коган, Е. Сеньявская, Н. Цимбаев, В. Г. Ялышко рассматривают литературное наследие В. Кондратьева в историко-литературном, социально-философском контексте, отмечая связь произведений писателя не только с военной, но и с «деревенской» прозой.

Наиболее серьезные попытки изучения художественного наследия В. Кондратьева предприняты в работах И. Дедкова, А. Когана, Л. Лазарева, в которых рассматриваются особенности и тенденции развития его прозы, поднимается проблема традиций и новаторства, а кроме того, предметом исследования становится циклизация произведений писателя. Стремление В. Кондратьева объединить все свои произведения общей системой мотивов, характеров, единой категорией времени и пространства, сосредоточенность писателя на сравнительно узком круге событий, образов, тем, своеобразный стиль «ржевской» прозы обусловили особое внимание исследователей и поставили вопрос о «ржевском» цикле. Идеино-художественные особенности прозы В. Кондратьева требовали обстоятельного литературоведческого и критического исследования. В статьях и публикациях 1970 – 1990-х годов (А. Коган, И. Дедков, Л. Лазарев, Н. Цимбаев, Ю. Смелков, М. Нольман, Н. Железнова, С. Дмитренко, Э. Морозова, В. Попов) анализировались его рассказы и повести, делались попытки рассмотреть отдельные произведения как части единой художественной системы – цикла. Однако в работах исследователей не была представлена

¹ Коган А. Г. Уроки памяти. - М.: Художественная литература, 1988. С. 323.

полная структура цикла В. Кондратьева, чаще всего делались только намеки на возможность такого объединения его рассказов и повестей

Проза В. Кондратьева стала предметом исследования в диссертационной работе Е. В. Богачевой («Кондратьев В.: Жизнь, личность, творчество»), в которой предпринята попытка определить мировоззренческие принципы В. Кондратьева. Однако за рамками исследования остались проблемы образной структуры и типологии героев произведений писателя, а также циклизации его прозы и жанрово-стилевой аспект творчества.

Анализ литературы по исследуемому вопросу выявил недостаточную разработанность следующих проблем: проблемы циклизации, проблемы определения центральных тем и мотивов творчества В. Кондратьева, проблемы типологии его героев, образа повествователя - что является, на наш взгляд, пробелом в исследовании особенностей жанрово-стилевой манеры писателя, обращение к которой позволит значительно дополнить представление о поэтике прозы В. Кондратьева, о художественном мире и нравственно-эстетическом мировоззрении писателя. Это объясняет необходимость диссертационного рассмотрения указанных проблем, что и было предпринято впервые в настоящей работе. Кроме того, возросший в последние годы интерес к проблемам жанра и стиля прозаического цикла определил актуальность избранных в диссертационном исследовании аспектов изучения.

Цель диссертации - определить жанрово-стилевое своеобразие прозы В. Кондратьева, те системные отношения, которые формируют цикл как особый тип текстопостроения. Вслед за И. Фоменко, А. Михайловым, Е. Афониной под термином «цикл» мы понимаем единство «элементов, между которыми возникают ассоциативные взаимосвязи и которые свободным взаимодействием продуцируют общие всему циклу смысловые элементы» - «метаобразы, метамотивы, метасюжет»¹.

Поставленная цель определила задачи настоящей работы:

- выявить специфику целостной художественной формы – жанровой, образной и стилевой структуры прозаического цикла В. Кондратьева;
- определить тематику и проблематику «Ржевского романа», выявить типологию героев в соотношении с жизнью общества и литературным процессом;
- рассмотреть способы раскрытия внутреннего мира личности персонажа, обусловленные особенностями художественного мышления писателя; определить соотношение национального, социального, природного и общечеловеческого в типах героев, выявить особенности и актуальность концепции национального характера в произведениях В. Кондратьева;

¹ Афонина Е. Ю. Поэтика авторского прозаического цикла: Дис. канд. филол. наук. - Тверь, 2005. С. 25.

- проанализировать особенности позиции повествователя и его роль в цикле;
- раскрыть своеобразие усвоения Кондратьевым традиций русской классической и современной литературной школы, их связь с собственными идейно-творческими установками писателя.

В качестве исследовательского материала в целях определения места творчества В. Кондратьева в литературном процессе 70-90-х годов, специфики проблематики и поэтики его прозы было привлечено 27 произведений: 11 рассказов, 15 повестей и 1 роман, которые составляют цикл «Ржевский роман»; для сопоставительного анализа привлекаются произведения И. Тургенева, А. Kupрина, К. Симонова, Г. Бакланова, Э. Ремарка, что позволяет, учитывая индивидуальность каждого автора, обнаружить их влияние на мировоззрение и эстетическую позицию В. Кондратьева. Кроме художественных произведений, в диссертации исследуются публицистические выступления писателя по вопросам литературы и общественной жизни, что дало возможность более отчетливо показать связь идей и образов произведений с эстетическими взглядами автора.

Методологической основой работы являются исследования в области поэтики, теории жанра и стиля М. Бахтина, А. Бушмина, В. Виноградова, Л. Гинзбург, В. Кожина, М. Кузнецова, А. Огнева, П. Пустовойта, А. Соколова, Н. Тамарченко, И. Фоменко, В. Хализева, М. Храпченко, А. Чичерина, В. Шкловского и других. Кроме того, учтен опыт кафедры русской литературы XX – XXI веков Тверского государственного университета в области изучения жанрово-стилевых проблем. В основу диссертационного исследования положены системный, историко-генетический, сравнительно-типологический методы исследования.

Научная новизна и практическая ценность работы состоит в том, что впервые определена жанровая и стилевая специфика цикла В. Кондратьева; представлена тематика произведений писателя и типология героев в соотношении с авторским эстетическим идеалом; выявлена специфика художественной трактовки писателем национального характера во взаимосвязи с открытиями классической и новейшей литературы; проанализированы способы и приемы раскрытия внутреннего мира персонажей цикла. Кроме того, глобальные идейно-политические изменения, произошедшие в современном обществе, и обусловленное этим расширение ментального поля позволили по-новому интерпретировать характеры кондратьевских героев, а также проблематику его произведений, проследить специфику авторского мировосприятия. Рассмотрение повестей «Этот сорок восьмой...», «Что было...», рассказов «Гошка, бывший разведчик», «На станции Свободный» и др. представляет собой первый опыт их литературоведческого анализа. Трактовка ряда произведений («Борькины пути-дороги», «Будни», «Искупить кровью», «Красные ворота» и др.) в немалой степени переосмыслена. Материалы и выводы настоящего исследования могут

быть использованы в вузовских лекционных курсах по новейшей русской литературе и в системе специальных курсов и спецсеминаров.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что она способствует более глубокому пониманию жанрово-стилевых процессов, происходящих в новейшей русской литературе.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Значительная часть прозы В. Кондратьева представляет собой особую художественную систему - цикл «Ржевский роман», части которого связаны общей системой тем, мотивов, характеров, композиции, художественно-выразительных средств и единой категорией времени и пространства. Однако каждому произведению цикла «Ржевский роман» присущи и своеобразные черты, индивидуальный колорит и ритм, что позволяет рассматривать их как самостоятельные художественные произведения.

2. В диссертации выделяются основные темы цикла В. Кондратьева, которые писатель раскрывает посредством обращения к теме «малой» войны, «пяди земли»: нравственное становление человека, его поведение на войне, долг перед Родиной и близкими, вина и ответственность за сделанный выбор и за жизнь.

3. Война живет в сознании героев и автора как объяснение настоящего, что позволяет писателю перенести смысловой центр произведения с событийно-сюжетной стороны на исследование нравственных проблем современности, доказать внутреннюю связь времен (прошлого – настоящего – будущего). Пересечением пространств, времен и взглядов обусловлена существенная особенность психологического восприятия мира В. Кондратьевым.

4. В. Кондратьев строго историчен в раскрытии внутреннего мира своих героев - его ровесников, людей военного поколения. Цикл рассказов и повестей выстраивается в своеобразный роман, звенья которого объединяет личность автора, его нравственная позиция.

5. Автор эксплицирует свою позицию в двух типах героев, получивших в нашей работе название тип героя, близкий лейтенантской прозе, и тип солдата, воина-труженика, традиционный для фольклора.

6. Образ повествователя представляется важным циклообразующим фактором.

7. Единство частей цикла обеспечивается и на языковом уровне, образуемом рядом постоянных элементов. Все произведения В. Кондратьева характеризуются лаконизмом, диалогичностью и полифоничностью речи; особой пространственно-временной организацией; сказовой манерой повествования; использованием ключевых слов.

Апробация полученных результатов исследования.

Диссертация обсуждена на кафедре русской литературы XX – XXI веков Тверского государственного университета. Основные положения работы отражены в пяти публикациях (список прилагается в конце авторефе-

рата) и трех докладах на VI Всероссийской научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения В. Я. Шишкова (Тверь – Бежецк, 2003), на межвузовской конференции ученых-филологов и школьных учителей «Актуальные проблемы филологии в вузе и школе» (Тверь, 2004), на международной научной конференции «Межкультурная коммуникация в современном славянском мире» (Тверь, 2005).

Текст диссертации изложен на 182 страницах, список использованной литературы включает 261 наименование.

Указанные цели и задачи определили **структуру работы**. Диссертация состоит из Введения, двух глав, Заключения и Списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении обоснованы актуальность и научная новизна темы диссертации, определены цель и задачи исследования, представлены основные сведения о биографии писателя, его литературной деятельности.

В первой главе – «Проблематика и образы цикла В. Кондратьева» - рассматривается цикл В. Кондратьева как особая идейно-художественная система; поэтика заглавия, а также тематика и проблематика «Ржевского романа», выявляется типология героев в соотношении с жизнью общества и литературным процессом; определяются соотношение национального, социального, природного и общечеловеческого в типах героев, актуальность и своеобразие концепции национального характера в произведениях В. Кондратьева; определяются способы раскрытия внутреннего мира персонажа, обусловленного спецификой художественного мышления писателя; анализируются особенности выражения точки зрения повествователя и его роли в цикле.

В первом параграфе «Основные черты «Ржевского романа»» представлен обзор публикаций, в которых обобщено отношение литературной критики 1970 - 1990-х годов к творчеству В. Кондратьева. Кроме того, предпринята попытка выявить идейно-композиционные особенности цикла.

Впервые рассказы и повести, составляющие часть прозаического наследия писателя и объединенные в своеобразный цикл, были названы «Ржевским романом» В. Астафьевым. Сам В. Кондратьев в интервью и публикациях неоднократно пытался дать наиболее точное определение своим произведениям: «нечто вроде романа из повестей и рассказов», «цикл повестей и рассказов», «ржевская проза». И. Дедков полагал, что писателем «возможность такого сборного «романа», вероятно, уже осознана, и он исподволь – композиционно и всячески – уже строится, сохраняя,

однако, открытость, незавершенность всех своих частей...»¹. Ряд исследователей и сам В. Кондратьев (в статьях и публикациях конца 1980-х – начала 1990-х годов) говорили о существовании не отдельных произведений, а единого цикла. Писатель предполагал выпустить двухтомник, «перетасовав» все повести и рассказы таким образом, чтобы в первый том вошли произведения, рассказывающие о жизни военного поколения до 1941 г. и во время Великой Отечественной, а во второй – повествующие о судьбе героев в послевоенное время.

Стремление связать 11 повестей, 15 рассказов и роман «Красные ворота» темами «войны» и «военного поколения» не случайно: «Если понимать «овсянниковское поле» в широком смысле, как метафору, то, видимо, я от него отойти не смогу. У каждого в жизни было и есть свое поле, где решалось главное»². Взгляд повествователя и героев чаще всего устремлен не вперед, навстречу новому, а назад, в «исходный» пункт – в Ржев. Таким образом, действие образует как бы замкнутый круг, и это определяет всю структуру цикла, хронологические границы повествования которого достаточно широки: 1939 – 1980-е годы, что позволяет выделить три основные части цикла – довоенные годы, ржевский период 1942-1943 годов, послевоенный этап.

Название – «Ржевский роман» – субстантивно-генетического типа с жанровой атрибуцией позволяет рассмотреть цикл В. Кондратьева как произведения, объединенные общей темой. Вся совокупность частей цикла постепенно уточняет понятие «ржевский», наполняя его определенным окказиональным содержанием – «война», «фронт», «1941-1943 годы». Вне контекста понятие «ржевский» будет неточным, поверхностным и будет определяться индивидуальными знаниями и ассоциациями читателя (знакомое или незнакомое географическое название). Жанровая атрибуция заглавия – «роман» – обладает определенным фокусом, настраивающим читателя на внимание к судьбе, переживаниям, чувствам и мыслям многих героев.

В этом параграфе диссертации цикл сопоставляется с другими прозаическими жанрами (романом, сборником рассказов или новелл). Этимология «Ржевского романа» обусловлена подвижной формой данного жанра, которая позволяет изменять и дополнять органичную структуру цикла. Исследователи, начиная с Филдинга, Гегеля, Бальзака, Белинского, определяют роман как «эпос частной жизни»: предмет этого жанра – «судьба частного человека»³, процесс становления и развития характера и самосознания. В. Кондратьев в каждом эпизоде цикла также создает самобытный мир с яркими, запоминающимися характерами. «Ржевский роман» пред-

¹ Дедков И. Живое лицо времени. Очерки прозы семидесятых – восьмидесятых. – М.: Советский писатель, 1986. С. 166.

² А. Коган, В. Кондратьев. Воспитывать – правдой // В мире книг. – 1983. – № 5. С. 68.

³ Белинский В. Г. Разделение поэзии на роды и виды // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. / Глав. ред. Н. Ф. Бельчиков – М.: Изд-во акад. Наук СССР, 1953. – Т. 5. С. 34.

ставляет индивидуальную и общественную жизнь как относительно самостоятельные, взаимосвязанные, но не исчерпывающие и не поглощающие друг друга стихии. У героев есть не только военное настоящее, но и мирное прошлое и планы на послевоенное будущее. Все эти временные «путешествия» подчинены основной задаче — увеличить историческую емкость произведения, представить социальные корни характеров. Критерий правдивости, мемуарности в широком значении этого слова, но с опорой на собственный жизненный опыт стал отличительной чертой авторской индивидуальности В. Кондратьева, а стремление как можно полнее, шире раскрыть внутренний мир личности героя (представителя военного поколения) выразилось в поиске новой формы прозаического цикла — «Ржевского романа».

Важным в обосновании выбора условного названия «Ржевский роман» представляется работа В. Кожина¹, в которой автор выделяет такие характерные черты этого жанра, как «незаконченность» структуры и «незавершенность», «неправильность» его героев. К тому же в цикле, как и в романе, нет строгого единства, а значит, ограниченности действия в традиционном смысле слова (этой стороне романа как литературного жанра посвящена работа Л. Пинского²). В «Ржевском романе» неограниченность действия буквальна: герои находятся в постоянном движении. Однако это движение представляет собой не только внешнее передвижение в пространстве и времени через территориальные и социальные границы, сами субъекты движения (герои «Ржевского романа») не остаются неизменными, их духовный мир познается тоже в непрерывном движении. Это движение к пониманию смысла всего, чем дышало и жило целое поколение, к пониманию смысла человеческого бытия, жизни.

В диссертации подробно рассматриваются типы финалов³, такие, как введение нового, неожиданного мотива («На станции Свободный», «Встречи на Сретенке» и т. д.), «комканье» повествования («Асин капитан», «Привет с фронта», «Женька»), прием «ложного конца» («Лихоборы», «Селижаровский тракт» и др.), прямая незаконченность («Искупить кровью», «Поездка в Демяхи» и т. д.). Автор избегает в своих произведениях традиционных концовок, рассказы и повести словно обрываются на полуслове, на каком-то мгновении, за которым предполагается дальнейшее течение жизни. Таким образом, цикл В. Кондратьева остается незамкнутым, его границы подвижны, что свидетельствует о своеобразии «Ржевского романа».

Углубленный психологизм в сочетании с лирическим отношением к описываемым событиям создает особую, глубоко личную, можно сказать, романтическую манеру письма. Автор рассказывает о сокровенных движе-

¹ См.: Кожин В. В. Происхождение романа. - М.: Советский писатель, 1963.

² См.: Пинский Л. Е. Сюжет «Дон-Кихота» и новый европейский роман // Вопросы литературы. - 1960. - № 4. - С. 168 - 181.

³ См. также: Кожин В. В. Происхождение романа.

ниях души героя. Утверждение себя, чувство вины и ответственности за обретенное право жить – те главные мотивы, которые объединяют цикл. Война живет в сознании героев и самого автора как объяснение настоящего, что позволяет В. Кондратьеву перенести смысловой центр произведения с событийно-сюжетной стороны на исследование нравственных проблем современности, доказать внутреннюю связь времен (прошлого – настоящего – будущего). В художественном решении проблемы «человек и война» писатель находит новый ракурс: он «встречает своих героев на пороге прошедшего и будущего»¹. Ответ войны мы видим в действиях, словах, мечтах и планах героев всех произведений «Ржевского романа». Части «Ржевского романа» подчеркнуто лиричны, практически лишены батальных картин; автор, кажется, полностью погружен в глубины сознания своих героев. Повышенное внимание к человеческой личности, стремление писать историю в человеке и через человека делает прозу В. Кондратьева психологической.

Во втором параграфе «Тема войны» акцентирована значимость этой темы для цикла В. Кондратьева.

В отличие от других писателей - фронтовиков, Кондратьев взялся за перо, когда ему уже исполнилось пятьдесят лет. И это лучше всего говорит о силе пережитого, незабытого даже через столько лет. Его война – это стойкость и мужество солдат и офицеров, это страшный пехотный бой, это мокрые окопы, это нехватка снарядов, мин и техники. Он писал о войне и о человеке на войне, адресуя свои произведения не только сверстникам, но и тем, для кого события 1941 – 1945 годов уже только история. Это во многом определило идейно-художественную и нравственную ценность его произведений.

Для автора «Ржевского романа» было важно наиболее полно изобразить мелочи быта, условия, в которых человек жил и воевал. В. Кондратьев считал, что «соблюдать точность» - это вовсе не значит копировать жизнь, это значит опираться на действительный факт, на живую деталь, на приметку времени (голубые бинты в тыловом госпитале, форма ручки у немецкого колуна), из которых и создается «плоть, мясо» произведения. Детализированная точность является основным художественным принципом писателя. В. Кондратьев чувствовал свою ответственность и перед теми, кто не вернулся, и перед теми, кто в силу возраста и жизненного опыта не способен восстановить точные детали быта того страшного времени. Подобная точность в изображении необходима автору, чтобы показать через обстановку, через быт человека на войне его мироощущение, его чувства: «Не покажи мне быт – не поверю я и в бытие»².

¹ Павловский А. Памятный след. // Нева. – 1985. – № 5. С. 152.

² Кондратьев В., Коган А. Разговор с читателями книги «Сашка» // Слова, пришедшие из боя. Статьи. Диалоги. Письма. - Выпуск 2. - М.: Книга, 1985. С. 230.

В центре внимания В. Кондратьева - солдат-пехотинец, познавший войну в ее жестоких реалиях, но, несмотря ни на что, проявивший силу человеческого духа, преодолевший почти невозможное. В каждом произведении угадывается желание автора поведать о разных судьбах, ведь каждая из них по-своему уникальна и неповторима. Поэтому в рассказе «Овсянниковский овраг» звучит принципиальная для автора мысль: «... Война была одна, но воевали на ней миллионы, и у каждого из этих миллионов была своя малая, особая война, совершенно непохожая на войну других, такая же уникальная, как каждая человеческая судьба»¹.

В «Ржевском романе» прошлое не только воспоминание, оно воспринимается как настоящее. Война предстает как материализованная память.

В третьем параграфе «Типология героев» выделяются типологические ряды персонажей; анализируется непосредственно связанная с образной структурой система мотивов – жизни, смерти, любви, счастья, ответственности за сделанный выбор; исследуется значение женских образов в цикле, их влияние на развитие сюжета и характеров главных героев.

Обилие героев характерно для цикла и сближает его с крупными эпическими формами. «Многочерность» цикла обусловлена в первую очередь тем, что сюжеты рассказов, повестей и романа требуют формирования бытийного пространства вокруг каждого из основных персонажей.

Персонаж в «Ржевском романе» «выступает как носитель стабильных и устойчивых (порой, правда, претерпевающих изменения) свойств, черт, качеств»². С этой точки зрения, в цикле В. Кондратьева выделяются два основных типа образов. Во-первых, это герой, близкий так называемой «лейтенантской» прозе. К этому типу можно отнести А. Шергина («На станции Свободный», «Дорога в Бородахутино», «Селижаровский тракт», «Сашка», «Отпуск по ранению»), А. Коншина («Лихоборы», «Селижаровский тракт», «Овсянниковский овраг», «Будни», «Встречи на Сретенке», «Красные ворота»), В. Канаева («Сашка», «Отпуск по ранению», «Встречи на Сретенке», «Красные ворота») и многих других персонажей «Ржевского романа». Это всегда интеллигент, городской житель (чаще всего москвич), вчерашний студент, окончивший военные курсы и служивший на Дальнем Востоке, юноша, в руках которого оказалась жизнь десятков людей. Этот герой - представитель первого советского поколения, вобравшего в свое мировоззрение все достоинства и недостатки коммунистической идеологии. Его ценностные ориентации часто бывают интуитивными, непосредственными, обусловленными теми традициями, в которых он воспитан.

«Лейтенантский» тип героя обладает общими «родовыми» и биографическими признаками с автором, вследствие чего образы персонажей, относящиеся к данному типу героя, в некоторой степени размыты, «родо-

¹ Там же. С. 125.

² Хализов В. Е. Теория литературы: Учеб. – М.: Высшая школа, 1999. С. 160.

вые» черты порой доминируют над индивидуальными. Особенно существенно сходство между героями в первой и второй частях цикла, то есть в тот период «Ржевского романа», когда для персонажей главным в жизни является не собственно личное, а общее, государственное. Однако и в третьей части Володька, Алексей, Сергей, Марк, Игорь, Виктор и другие проходят по тому же пути духовного развития, по которому прошел и сам автор в 1940 - 1960-е годы.

Духовная сущность персонажей раскрывается постепенно, на протяжении всего повествования, а целостное впечатление о героях складывается только к финалу, при этом почти не встречается авторская характеристика происходящего, только поступки, чувства и мысли самих персонажей, взаимоотношения с другими образами цикла. Средства косвенной оценки помогают читателю понять героя, его отношение к миру и к самому себе. Для «Ржевского романа» важны не портреты - В. Кондратьевым активно воссоздаются и осмысливаются формы поведения.

Второй тип героя - это солдат-пехотинец, воин-труженик, в прошлом деревенский житель. Характер этих персонажей близок русскому национальному типу, историческим заветам предков, дошедшим до нас в фольклорной форме (сказок, былин, песен). К таким персонажам, «образцам» национального типа, можно отнести Сашку («Сашка», «Селижаровский тракт»), Борьку Красикова («Борькины пути-дороги», «Что было...»), Казанцева («Мы подвигов, увы, не совершали...») и других. Эти герои, с уже сложившимся мировоззрением, в тяжелые для России годы проявляют лучшие черты характера, такие, как высокое патриотическое чувство, ясное осознание смысла происходящих событий, беззаветная самоотверженность в выполнении своего долга. Все образы ярко индивидуализированы, отличаются внешним и внутренним своеобразием, так как портретная характеристика в этих случаях значительна. Она важна как для автора, так и для читательского восприятия героев.

Проблема национального характера является стержневой в творчестве многих русских писателей и остается объектом острых идейно-эстетических споров. Не дает своего ответа на вопрос («Что такое русский человек?») и автор «Ржевского романа», он не выносит «приговора», не настаивает на бесспорности своих взглядов и наблюдений, не идеализирует «русский характер», а подчеркивает в нем то лучшее, что является достоянием нации и что было в полной мере продемонстрировано в самые страшные для нашего Отечества годы. Поэтому немало в цикле эпизодов, которые заставляют читателя задуматься над вопросом, что движет русским человеком, ради чего он отдает свою жизнь. В нашей работе мы приходим к выводу о том, что первопричину автор цикла видел в ответственности своих героев перед временем и перед каждым человеком, с которым их сталкивает жизнь.

В «Ржевском романе» обращает на себя внимание то, что оба типа героев очень часто сосуществуют в одном произведении, многие из них (Шергин, Володька, Сашка и др.) переходят из одного в другое. Система сквозных персонажей соединяет все произведения цикла. Например, Володька Канаев, будучи второстепенным героем в повести «Сашка», в «Отпуске по ранению», «Встречах на Сретенке», «Красных воротах» становится главным. Следовательно, само понятие главного и второстепенного героя в цикле В. Кондратьева становится условным, так как художник создает собирательный образ своего поколения 1920 – 1924 годов рождения, «потерянного» поколения (как считал сам автор), для которого навсегда самым главным событием в жизни осталась Великая Отечественная война.

Детальное рассмотрение женских образов позволяет сделать вывод о том, что «женские» страницы цикла поражают, с одной стороны, особой лирической тональностью, а с другой - эмоциональной заостренностью проблемы «человек на войне». В. Кондратьев не случайно отводит особое место в цикле женским образам: отношение к женщине всегда выражало нравственное состояние общества, а ее место на войне, роль в освобождении родной страны входили в противоречие с истинным назначением, данным от природы, – быть женой, матерью. Участие в событиях 1941 – 1945 годов и есть та величественная жертва, которую принесли они на алтарь Победы, тот бессмертный подвиг, всю глубину которого пытаются постичь герои В. Кондратьева.

В исследовательских работах отношение к женским образам в прозе В. Кондратьева неоднозначно. Некоторые критики (А. Коган, А. Рубашкин, Н. Цимбаев, И. Дедков) считают, что «романтические» страницы, которые создаются автором с участием женских персонажей, не получаются: «... сразу сбой начинаются, рвется дыхание, заплетаются ноги...»¹. Но другие исследователи творчества В. Кондратьева (Л. Лазарев, М. Нольман, А. Эльяшевич, Ю. Смелков и др.) особо отмечают важность любовных линий для «Ржевского романа», точность в изображении женских характеров. Сам писатель значительное место в идейно-тематическом и сюжетно-композиционном мире цикла отводил этим образам: «Есть потребность и даже, я бы сказал, обязанность написать о женщине на войне».²

«Женская память» охватывает тот материал человеческих чувств и отношений на войне, который обычно ускользает от мужского внимания. Включая в систему образов «Ржевского романа» женские характеры, В. Кондратьев добивается того, что перед читателем возникает целый ряд новых тем, идей, вопросов, непосредственно связанных со значением этих персонажей для «мужского» мира книг писателя. Во-первых, в силу своих психологических и физиологических особенностей женщина сильнее ощущает физические и моральные перегрузки, труднее переносит «муж-

¹ Коган А. О В. Кондратьеве и его переписке // Вопросы литературы. – 1995. – Выпуск 1. С. 274.

² Кондратьев В. Л. Как это было // Литературная газета. – 1982. – 24 февраля. С. 6.

ской» быт войны. Во-вторых, появление в цикле героинь часто связано с темой родины, ведь защищают солдаты не только русскую землю, но и любимых матерей, невест, жен. Так, для связного Рябикова, у которого семья под немцем в Смоленске, «каждый шаг – вперед – это шаг к дому, и видит Коншин, что воевать тот будет по-настоящему». Перед ними, перед героинями «Ржевского романа», держат ответ все: и живые, и мертвые – за те ошибки, которые совершили (как, например, в рассказе «День Победы в Черново», повести «Встречи на Сретенке», рассказе «Асин капитан» и др.), за тот выбор, который сделали (как, например, в повести «Отпуск по ранению», повести «Селижаровский тракт», рассказе «Знаменательная дата» и др.). Таким образом, в прозе В. Кондратьева возникает тема ответственности за сделанный выбор, за доверенные человеческие жизни, за будущее страны. И наконец, женские образы позволяют автору прибегнуть к излюбленному русской литературой приему – испытанию героев любовью, которым проверялись цельность натуры и особенности характера многих персонажей русской прозы.

В диссертации мы приходим к выводу, что невозможно было бы сегодня говорить о полноте изображения жизни в цикле В. Кондратьева, если бы в его частях не было женских «страниц». Гордость за своё поколение, печальное чувство избранности, опыт фронтовика помогли писателю создать свой неповторимый мир женских образов – участниц событий тех трагических лет.

Таким образом, в «Ржевском романе» в центре внимания оказываются не отдельные человеческие судьбы, а жизнь военного поколения, пережившего самые напряженные и страшные моменты истории русского народа и представленного разными характерами и типами. В. Кондратьев постепенно от одного произведения к другому исследует внутренний мир героев цикла, изображая их в разных ситуациях, показывает главные достоинства собственного поколения, раскрывает суть русского национального характера.

В четвертом параграфе «Образ повествователя» анализируются особенности выражения точки зрения повествователя и его роль в цикле, определяются способы раскрытия внутреннего мира личности данного персонажа, обусловленные особенностями художественного мышления писателя.

Образ повествователя традиционно принято считать одним из источников единства цикла. В «Ржевском романе» В. Кондратьева форма условно объективного повествования представлена образом повествователя-автора, очень часто равного своим героям по мироощущениям, нравственным ориентирам («Дорога в Бородухино», «Селижаровский тракт», «Житье-бытие» и др.), а рассказ от первого лица ведется повествователем-рассказчиком, близким по взглядам и биографии самому писателю («Привет с фронта», «Лихоборы», «Будни» и др.).

Многие исследователи отмечают одновременно автобиографичность и обобщенность образа повествователя-автора в «Ржевском романе». Этот герой выражает свою точку зрения на мир в большей части эпизодов цикла. Образ же повествователя-рассказчика несколько реже встречается на страницах цикла. Всего в «Ржевском романе» девять повествователей-рассказчиков, которые одновременно являются и главными героями произведений. Эти части цикла отличаются высокой степенью «сказовости», которая также служит полицентричности изображения и выражения в «Ржевском романе». Дважды в цикле В. Кондратьева нашему вниманию представлен не один, а два рассказчика: в повести «Покушение» - Николай Перевалов и Инна; в рассказе «Привет с фронта» - Юра Ведерников и Инна. Таким образом, в цикле создается особая полифоничность образа повествователя-рассказчика, посредством которого реализуется мужской и женский взгляд на одни и те же события и который рождает третью – объективную точку зрения, приближенную к авторской.

В диссертации делается вывод о том, что такая субъективизация повествования в сочетании с «полигероизмом» «Ржевского романа» порождает множественный характер восприятия и художественных рефлексий повествователя, что и определяет одно из главных качеств кондратьевской прозы – «эпическую многоплановость» повествования в рамках особой жанровой формы – цикла. Таким образом, в каждом эпизоде «Ржевского романа» разворачивается своя система точек зрения в результате смены позиции «сквозного» персонажа – образа повествователя, который в то же самое время представляет и завершающую, авторскую точку зрения.

Вторая глава – Стилиевые особенности «Ржевского романа» - посвящена вопросу единства прозаического цикла В. Кондратьева на языковом уровне. Выявляются те постоянные элементы, которые его составляют; исследуется категория времени и пространства в «Ржевском романе»; ставится вопрос об усвоении писателем традиций русской классической и современной литературы, их связи с собственными идейно-творческими установками писателя.

В первом параграфе «Особенности художественной речи» на языковом уровне рассматриваются разнообразные циклообразующие связи.

«Разнородные стилистические единства, входя в роман, сочетаются в нем в стройную художественную систему и подчиняются высшему стилистическому единству целого, которое нельзя отождествлять ни с одним из подчиненных ему средств»¹. Вслед за А. Чичериным, Н. Гуляевым («художественное выражение типа мировоззрения, проявляющееся в способе построения образа, всех элементов художественной формы»²), Г. Поспеловым («свойство экспрессивно-образной формы художественных произведений в конкретном единстве ее предметных, композиционных и речевых

¹ Чичерин А. В. Возникновение романа-эпопеи. – Изд. 2. – М.: Советский писатель, 1975. С. 75.

² Гуляев Н. А. Теория литературы: Учебное пособие для пед. ин-тов. – М.: Высшая школа. – 1985. С. 183.

деталей, непосредственно эстетически воспринимаемом»¹), А. Соколовым («Стиль литературы не исчерпывается художественным языком, не сводится к речевому стилю, но охватывает все элементы формы литературного произведения...»²) под стилем мы понимаем взаимообусловленность всех уровней текста, которая выражается в единстве содержания и формы произведения, в общем тоне и колорите художественного произведения.

Единство всех произведений, входящих в «Ржевский роман», сила их художественного воздействия проявляются в том числе и в умении В. Кондратьева гармонично выбрать средства языкового выражения. Речевой стиль писателя непосредственно связан с авторскими принципами изображения действительности. Художественная речь всегда индивидуальна и «исторична, потому что сама индивидуальность писателя – социальна»³.

Будучи писателем-психологом, Кондратьев возвращает нас к мироощущениям своего сверстника, прошедшего тяжелейшие испытания. Такое совмещение объективной позиции автора с субъективной сферой сознания и речи героев, как правило, предполагает наличие в тексте языковых особенностей объекта изображения (персонажа). С этой целью автор «Ржевского романа» активно использует просторечные выражения, ключевые слова, инверсионный порядок слов и парцелляцию. Воссоздавая в письменной речи склад звучащей речи, внося в текст движение и интонации живого голоса, писатель обеспечивает многообразие сложных и смешанных форм речи в цикле. В. Кондратьев считал, что не только бесценный фронтовой опыт, размышления о жизни и человеке определяют ценность «Ржевского романа», но и слог, стиль, язык, которые должны быть «ясны, аскетичны и совершенно лишены какой-либо литературной вычурности»⁴. В диссертации также обращается внимание на роль художественной детали (лепехи («Сашка»), «деревяшка» или «лошадиная губа» («Встречи на Сретенке») и т. д.).

В данном параграфе делается вывод о том, что в зрелой прозе В. Кондратьева складывается особый прозаический ритм, который несет в себе глубокий эстетический смысл, служит изобразительным и выразительным целям и образуется рядом постоянных элементов: лаконизмом и диалогичностью речи; особой пространственно-временной формой; сказовой манерой повествования и индивидуализированной речью персонажей, синтезом лирического и эпического; полифоничностью речи героев; обилием инверсий; использованием ключевых слов.

Во втором параграфе «Ключевые слова» определяется значение ключевых слов в художественном мире и языке писателя.

¹ Пospelов Г. Н. Теория литературы: Учебник для филол. спец. ун-тов. – М.: Высшая школа, 1978. С. 305.

² Соколов А. Н. Теория стиля. – М.: Искусство, 1968. С. 195

³ Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля. – М.: Художественная литература, 1985. С. 4.

⁴ Кондратьев В. Л. Лирический дневник солдата // Знамя. – 1986. - № 2. С. 239.

На первый план в «Ржевском цикле» выходят ключевые слова (всего 246 единиц), формально выделенные самим автором при помощи разрядки и представляющие собой особые смысловые комплексы (например, в рассказе «Овсянниковский овраг»: *немец – всё – об этом – почему же – по-человечески – надо – из-за меня*). Количество компонентов в таких отдельных комплексах колеблется от 1 до 46 и определяется не столько жанром произведения (так, в рассказе «День Победы в Черново» - 23 ключевых слова, в повести «Борькины пути-дороги» - 3), сколько его значимостью для всего цикла. Поэтому больше всего выделенных писателем слов в «Селижаровском тракте» (36 единиц), «Сашке» (46), «Отпуске по ранению» (40), «Встречах на Сретенке» (31). Эти произведения представляют собой своего рода смысловые центры цикла В. Кондратьева: дорога на фронт, фронт, тыловая жизнь глазами фронтовика, послевоенная жизнь глазами бывшего фронтовика. Желанием усилить смысл текста в целом можно объяснить такую высокую частотность использования В. Кондратьевым данного приема – выделения ключевых слов посредством разрядки.

В диссертации мы показываем, что ключевые слова в «Ржевском романе» устойчиво связываются в последовательные цепочки, и это подтверждает, во-первых, единство их функции на разных уровнях организации текста, а во-вторых, то, что наиболее частотные слова, как и отмеченные единожды, несут особую информационную и эстетическую нагрузку. В работе также отмечается, что в последние десятилетия исследовательская категория «ключевое слово» стала неотъемлемой частью художественного анализа, так как в языке образ связан со словом, а слово в свою очередь является единицей индивидуализированного, то есть авторского знания о мире.

Третий параграф «Особенности хронотопа» начинается с обзора двух пространственно-временных полей (исходной точки сюжетного действия – Дальнего Востока предвоенной поры и заключающей сюжетное движение точки – Москвы 1980-х годов), которые представляются существенными в жизни героев. Однако анализ прозы В. Кондратьева показывает, что все действие «Ржевского романа» построено на другом хронотопном материале – Ржев 1941 – 1943 годов. От прошлого образуются и строятся все временные конструкции цикла, именно оно измеряет «ценность» сегодняшнего и завтрашнего дня. По нашему мнению, такая ограниченность мира в «Ржевском романе» концентрирует внимание на героях, их психологическом состоянии и тех событиях, в которых они участвуют.

Время в цикле имеет не только историческую длительность (каждая часть «Ржевского романа» достаточно ясно датирована), но и элементарно-биологическую, возрастную. Главных героев произведений В. Кондратьева мы встречаем восемнадцати–двадцатилетними в начале цикла, а в конце «Ржевского романа» им уже около шестидесяти. Внимание автора сосредоточено на обычных (в том числе и для военных лет), а не исключитель-

ных эпизодах человеческой жизни. Однако именно они часто определяют как окончательный образ самого человека, так и его будущее.

Военное время объединило индивидуальные судьбы в общую, поэтому вторая часть цикла открывается «Селижаровским трактом», где нам представлены многие сквозные персонажи «Ржевского романа». В произведениях третьей части, когда личное время героев индивидуализировалось и отделилось от времени коллективной исторической жизни, когда появились разные масштабы для измерения событий частной жизни и событий истории, ощущение единства времени, которое было свойственно первой и второй частям цикла, становится еще значительнее.

«Надо», «должен» - «неотъемлемые императивы» поведения героев и наиболее частые характеристики того периода, они вступают в свои права тогда, когда нормальный или причинно осмысленный ход событий прерывается. Форма и степень необходимости оказываются неодинаковыми в различных частях цикла и соответственно переосмысливаются персонажами. Но главное то, что эта необходимость определяется самими героями, их характером, чувством ответственности, которое и является основой всего.

В диссертации делается вывод, что пребывание в пространстве истории рождает в авторе «Ржевского романа» чувство неоплатного долга перед прошлым и нравственной оценки современности. Прошлое и настоящее – это не только разные исторические отрезки, но и разные этические реальности (как, например, в рассказе «День Победы в Чернове»). В. Кондратьев считал, что встреча поколений и времен позволяет человеку ощутить себя наследником прошлого и осознать свою ответственность перед будущим, рождает чувство истории, которое тесно связано с патриотизмом, и в этом ощущается неразрывность эстетического и этического начал «Ржевского романа».

В данном параграфе также подробно рассматриваются основные мотивы цикла, непосредственно связанные с категориями времени и пространства: мотив встречи, мотив дороги и мотив повторяемости, имеющий также отношение к жанровой форме цикла.

В четвертом параграфе «Традиции и новаторство» ставится вопрос о своеобразии усвоения писателем традиций русской классической и современной литературы, рассматривается их связь с собственными идейно-творческими установками автора «Ржевского романа».

Проблема наследования традиций и одновременно их преодоление остается всегда актуальной и для литературы в целом, и для отдельных ее представителей. В. Кондратьев неоднократно признавался в трепетном отношении к русской классической литературе, в уста любимых героев вкладывал признание в любви и поклонении ей. Ее благотворное влияние, уверен автор «Ржевского романа», помогло целому поколению сохранить человечность во время жестокой и кровавой Великой Отечественной войны,

в самые тяжелые периоды жизни страны. Русская литература воспитала многие поколения, дала им великий заряд гуманизма, внушая, что «не хлебом единым жив человек», ставя нравственные ценности выше материальных, она всегда использовала любую возможность, чтобы высказать истину о времени и о человеке, живущем в нем. Традиция правдивого изображения действительности, характерная для русской классической литературы, стала основополагающей и для В. Кондратьева, ведь творчество для него – это не только профессия, не только призвание, но и гражданская обязанность.

В диссертации рассматривается влияние русской классической литературы на творчество автора «Ржевского романа». Так, рассказы «Асин капитан» и «Привет с фронта» можно назвать литературными реминисценциями. Множество совпадений в произведениях В. Кондратьева с прозой И. Тургенева, А. Куприна могло бы свидетельствовать о подражании или вторичности этих двух рассказов, если бы не принципиальная разница в идейно-тематическом и эмоциональном аспекте. Например, запах волос девушки – это не только «блаженные и тревожные» воспоминания, но и какая-то «странная», «собачья память», которая в один ряд ставит образ любимой и «запахи передовой и первого боя». В рассказах В. Кондратьева активно используется прием смешения лексики разных стилистических пластов, что служит той же цели – снижению «литературности» образов, развенчанию художественных «заимствований». Так, на разных уровнях текста происходит крушение литературных иллюзий, существование которых невозможно в суровом, но правдивом мире «Ржевского романа».

В. Кондратьев является достойным продолжателем идей Л. Н. Толстого, автора «Севастопольских рассказов», а также традиций прозы Э. М. Ремарка. Не только мужество, стойкость и героизм защитников Отечества привлекает внимание писателя – объектом изображения в «Ржевском романе» становятся тяжелый фронтовой быт, смерть, трагедия человека на войне. В. Кондратьев исследует поведение человека на фронте, его нравственность в условиях экстремальных, когда он должен убивать, должен идти против того, что заложено веками – веры в добро и гуманизм. Однако, развивая традиции классической литературы, В. Кондратьев твердо отстаивал свое видение жизни и свой творческий метод. Он осознавал пределы художественной правды, ее несовпадение с историческими фактами.

Безусловно, влияние литературы, посвященной непосредственно Великой Отечественной войне, на писателя, начавшего так поздно рассказы о ней, было велико. Тяга к предельной правдивости резко выделяла произведения В. Кондратьева и сближала их с суровой, честной прозой К. Воробьева, В. Астафьева, В. Быкова, В. Некрасова, Г. Бакланова, которые на протяжении многих лет были для автора «Ржевского романа» творческим ориентиром. Сам В. Кондратьев связывал собственное стремление рассказать о ржевской войне с появлением в печати повести Г. Бакланова

«Пядь земли». Однако историко-литературная преемственность в творчестве В. Кондратьева выразилась не столько в сходстве отдельных мотивов и элементов сюжета, образной системы, сколько в общности творческих замыслов, близости идейно-эстетических принципов, в подлинно творческом усвоении художественной традиции.

В диссертации выявляется влияние «деревенской» прозы на части «ржевского» цикла («На поле овсянниковском», «Гошка, бывший разведчик» и др.), в которых «автором» текста становится персонаж, чья речь и чье сознание формируют структуру и идею текста. Стремление персонифицировать истину, сращенную с бытием человека и органически вырастающую из него, и желание дать читателю возможность ощутить ее достаточно свободно, непредвзято являются ключом к эмоциональной силе «деревенской» прозы так же, как и «Ржевского романа» В. Кондратьева. Однако писатель далеко не всегда на протяжении всего произведения придерживается стилизации; порой (например, в повестях «Селижаровский тракт» и «Сашка») она присутствует только в определенных его частях, чаще всего наиболее важных для понимания характера, поведения и образа мышления героя.

Детальное рассмотрение преломившихся в цикле традиций позволяет сделать вывод о том, что использование разнообразных стилистических приемов, совмещение временных и пространственных слоев, богатство, точность и выразительность речи дает возможность В. Кондратьеву добиться поставленной цели – создать оригинальное художественное произведение – прозаический цикл «Ржевский роман».

В Заключении подводятся общие итоги работы, формулируются выводы.

Результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях (общий объем – 2 п. л.):

1. Голос повествователя в прозе Вячеслава Кондратьева // Творчество В. Я. Шишкова в контексте русской прозы XX века. – Тверь, 2003. – С. 264 - 270.
2. Женские образы в произведениях Вячеслава Кондратьева // Русская литература XX века: проблемы жанра и стиля. – Тверь, 2004. – С. 134 – 140.
3. Цикл «Ржевский роман» Вячеслава Кондратьева // Слово. Выпуск 3. – Тверь, 2005. – С. 97 - 102.
4. Ключевые слова в цикле В. Кондратьева // Слово. Выпуск 4. – Тверь, 2006. – С. 125 – 132.
5. Речевой стиль «ржевского цикла» В. Кондратьева // (в печати).

Технический редактор Н. М. Петрив
Подписано в печать 16.10.2006. Формат 60 × 84 1/16.
Бумага типографская № 1. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ № 734.
Тверской государственный университет
Редакционно-издательское управление
Адрес: Россия, 170000, г. Тверь, ул. Желябова, 33.
Тел. РИУ: (4822) 35-60-63.

